

О ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ДРЕВНЕМ НОВГОРОДЕ

К пятидесятилетию Б.А. Успенского

Как показал материал новгородских берестяных грамот XI–XV веков (которых в настоящее время найдено уже около 700), древненовгородский диалект (в широком смысле, охватывающем также и псковские говоры) отличался от прочих диалектов древней Руси гораздо сильнее, чем ранее предполагалось. Соответственно, языковая ситуация в древнем Новгороде, очевидно, была сложнее, чем в других областях древней Руси, поскольку здесь, помимо противопоставления церковнославянского и собственно древнерусского языков (о котором см. в первую очередь: Успенский 1983), существовало также противопоставление местной формы древнерусского языка (т.е. древненовгородского диалекта) и той его формы, которая применялась в документах, составляемых в Киеве, и, по-видимому, была достаточно близка к живой речи остальных областей государства, кроме Новгорода. Ниже мы будем обозначать, с известной долей условности, эту привычную для историков русского языка форму как “стандартный древнерусский”.

Настоящая работа посвящена прежде всего проблемам, вытекающим из обособленного положения древненовгородского диалекта в рамках древнерусского языка. Вопросов соотношения древнерусского языка с церковнославянским, как более изученных, мы касаемся лишь попутно, по мере необходимости для нашей основной задачи.

В этой связи следует прежде всего отметить, что самые существенные отличия церковнославянского от древнерусского лежали в сфере лексики (здесь имеется в виду как существование целого фонда слов, известных только церковнославянскому, так и особый фонемный состав у слов, имеющих соответствия в древнерусском, – типа *брегъ*, *свѣща* и т.п.) и в сфере синтаксиса.

В системе грамматических форм церковнославянский отличался от древнерусского прежде всего сохранением имперфекта (который в древнерусском, по-видимому, рано исчез) и косвенных падежей причастий. Существенно иным было употребление аориста: в церковнославянском это был самый обычный (нейтральный) способ выражения событий, относящихся к прошлому, тогда как в древнерусском аорист почти во всех своих функциях был вытеснен перфектом. В 3-м лице перфекта связки *есть*, *еста*, *суть* употреблялись (факультативно)

тивно), по-видимому, лишь в церковнославянском, а в древнерусском отсутствовали.

В морфологии словоизменения ошутимое отличие от стандартного древнерусского практически состояло лишь в том, что в церковнославянском конечное *t* глагольного корня чередовалось с *щ*, а не с *ч*, например, *мещю*, а не *мечю* (для *д* аналогичное различие, т.е. *жд* – *ж*, было рано устранено в пользу *ж*).

В сфере флексий отличия церковнославянского (даже в его старшей, наименее руссифицированной разновидности) от стандартного древнерусского были сравнительно немногочисленны. Сюда относятся прежде всего: (а) Р.ед. и И.В.мн. типа *душа* и В.мн. типа *кона* при стандартных древнерусских *душѣ*, *конѣ*; (б) членные формы прилагательных на *-аго* (и *-ааго*), *-уму* (и *-ууму*), *-ѣмь*, *-ыга*, *-ѣи* при стандартных древнерусских *-ого*, *-ому*, *-омь*, *-оѣ* (и *-ыѣ*), *-ои*; (в) причастия (и деепричастия) типа *несы*, *могы* при стандартных древнерусских *неса*, *мога*. При этом существенно, что в отношении флексий церковнославянская норма уже с весьма раннего времени обнаруживает значительную терпимость к соответствующим русским вариантам. Практически все названные здесь русские флексии получили (одни раньше, другие позже) статус вариантов, допустимых в церковнославянском тексте.

Замечание 1. Разумеется, главный источник сведений о церковнославянском языке XI–XIV вв. – это книги данного периода. Небезынтересно отметить, однако, что и среди новгородских берестяных грамот тоже имеются (хотя и в очень небольшом количестве) написанные по-церковнославянски; правда, почти все они представляют собой просто отрывки из канонических церковных текстов. Таковы, например, грамоты № 652 (конец XII в.), № 419 (берестяная книжечка, рубеж XIII и XIV вв.), № 128 (кон. XIV в.).

Замечание 2. Особый вопрос составляют церковнославянизмы, входящие в состав формул (этикетного или юридического характера), которыми могут начинаться и кончатся письма (как пергаменные, так и берестяные), договоры, завещания и т.п. Таковы, например, *благословление* (или *-вение*), *покланѣние*, *богъ помози*, *добрѣ сътвори* ('пожалуйста', 'сделай милость') и т.п. Эти слова (или выражения) могут встретиться даже в таких документах, которые во всем остальном написаны на собственно древнерусском языке. В последующем разборе конкретных документов наличие церковнославянизмов этого рода мы уже более не отмечаем (ср. Зализняк 1987).

Перейдем к основному вопросу настоящей работы – о соотношении древненовгородского диалекта со стандартным древнерусским.

Главным источником сведений о древненовгородском диалекте являются берестяные грамоты. Особенно важно то, что около 250 из них относятся к наиболее раннему периоду русской письменности (с XI по рубеж XII и XIII вв.). Показания берестяных грамот позволяют также осмыслить многочисленные разрозненные факты, извлекаемые из других новгородско-псковских письменных источников, из современных говоров и из топонимии.

Что касается стандартного древнерусского, то, как это ни парадоксально, для раннего периода (XI – рубеж XII и XIII вв.) мы располагаем здесь гораздо меньшим объемом материала, дошедшего до нас в подлинниках, чем для древненовгородского диалекта. Если не считать совсем мелких надписей и временно оставить в стороне вопрос об отражении данной формы языка в части новгородских берестяных грамот, мы можем отнести сюда только Мстиславу грамоту (ок. 1130 г., 156 слов) и запись о покупке Бояновой земли на стене Киевского Софийского собора (XII в., 64 слова). Таким образом, мы фактически знакомы с данной формой древнерусского языка в основном по памятникам XIII–XV вв. – подлинникам или спискам с документов более раннего периода. Соответственно, ниже необходимо учитывать, что для XI–XII вв. наши сведения о стандартном древнерусском в значительной степени носят характер реконструкции, тогда как сведения о древненовгородском диалекте этой эпохи получены более непосредственно.

Древненовгородский диалект не был полностью един. Уже на нынешнем этапе исследования мы можем различить в нем по меньшей мере две группы говоров – западную (по-видимому, соотносимую с псковскими кривичами) и восточную (по-видимому, соотносимую со словенами). Западная группа говоров отличалась от стандартного древнерусского более резко, чем восточная. Сравнение берестяных грамот с данными современной и исторической диалектологии показывает, что в самом Новгороде господствовал западный вариант древненовгородского диалекта; особенно ярко это господство проявляется в XI–XII вв. Но всё же даже и в этот ранний период некоторые из черт западных говоров не находят или почти не находят отражения в берестяных грамотах (см. ниже, пункты 5, 7, 9). Можно предположить, что в Новгороде, который уже с IX века стал точкой соприкосновения и социального взаимодействия двух разных славянских племен (не считая неславянского элемента), рано начало вырабатываться своего рода городское койне. Будучи основано на западных говорах, оно в то же время сгладило некоторые наиболее резкие

различия, устранив небольшую часть специфических западных особенностей.

Укажем вкратце основные отличия древненовгородского диалекта от стандартного древнерусского (подробнее см. Зализняк 1986, §§ 25–86). Почти все перечисляемые ниже особенности проявляются уже в самых древних берестяных грамотах и, следовательно, сформировались еще в дописьменную эпоху; случаи, где это не так, специально оговариваются. В некоторых пунктах мы отмечаем расхождения между западной и восточной зонами древненовгородского диалекта; но на систематический разбор этой проблемы по каждому из пунктов мы здесь не претендуем.

(1) В древненовгородском диалекте не осуществилась вторая палатализация заднеязычных, ср. *кѣ ле*, *хѣ ре*, *на ногѣ* и т.п. и стандартные *цѣль*, *сѣрь*, *на нозѣ*.

(2) Не было также перехода *кв*, *гв* в *цв*, *зв* в случаях типа *квѣ те*, *гвѣ зда*, ср. стандартные *цвѣть*, *звѣзда*.

(3) Основа местоимения 'весь' сохранил (во всей парадигме) свой праславянский облик *въх*-: *въхе*, *въха*, *въхо*, *въхѣмь* и т.д.

(4) В двух морфологических позициях были устранены (нефонетическим путем) эффекты первой палатализации – перед окончанием *-е* в Зв.ед. и И.ед. мужского рода и перед притяжательным суффиксом *-ин-*, например: *человѣ ке*, *друге*, *Днѣнкине*, *Ольгине*; ср. в стандартном языке Зв.ед. *человѣ че*, *друже*, прилагательные *Днѣчинь*, *Ольжинь*.

(5) Как показал С.Л. Николаев на материале современных говоров, в западной зоне древненовгородского диалекта праславянские **tj*, **dj*, **sj*, **zj* дали соответственно [к'], [г'], [х'], [γ'], например, *сустрѣ* [к']ати 'встречать', *ро[г']ати* 'рожать', *но[х']а* 'ноша', *во[γ']у* 'вожу' (от *возити*); в ходе последующей эволюции мягкость здесь была утрачена. По-видимому, однако, эта черта не была характерна для древненовгородского койне: в берестяных грамотах мы находим в таких случаях соответственно ч (=ц), ж, ш, жс – как в стандартном древнерусском (допустимо предполагать, что мы имеем здесь дело с рефлексами, свойственными восточной зоне древненовгородского диалекта).

(6) Особый частный случай предыдущего правила составляет переход праславянских **stj* (и **skj*) в [ш'к'], **zdj* (и **zgj*) – в [ж'г']. Неясно, был ли этот эффект ограничен только западной зоной. Во всяком случае, данная особенность получила частичное отражение в древненовгородских памятниках – не только берестяных, но и пергаменных. Для звонкого комплекса таким отражением служит спорадическая запись его через *жг*; для глухого комплекса мы располагаем

лишь косвенными свидетельствами в виде случаев замены *шк* на *щ* (что указывает на возможность чтения буквы *щ* как [ш'к']).

(7) В западной зоне древненовгородского диалекта праславянские *il, *dl дали *кл*, *гл* (гипотеза о вторичном развитии таких *кл* и *гл* на месте простого *л* в свете новых данных должна быть отвергнута), например, *сустрѣкли*, *чькли*, *бюгли*, *клець*, *жерезло*, *егль*, *мочигло*; ср. стандартные *сустрѣли*, *чьли*, *бюли*, *лець*, *жерело*, *ель*, *мочило*. Однако в языке берестяных грамот данная черта представлена весьма непоследовательно; можно думать, что в древненовгородском койне она избегалась.

(8) В древненовгородском диалекте совпали фонемы *ч* и *щ* (ср. их последовательное различие в стандартном древнеусском). Берестяные грамоты отражают это совпадение чрезвычайно ярко.

(9) В западной зоне древненовгородского диалекта по крайней мере в части говоров /с'/, /з'/ совпали соответственно с /ш'/, /ж'/. В берестяных грамотах эта черта тоже отражается, но сравнительно редко.

(10) Праславянские сочетания типа *ТърТ* в позиции перед слабым редуцированным почти всегда дают в древненовгородском диалекте рефлексы типа *ТъръТ* (а после падения и прояснения редуцированных – типа *ТороТ*), например, *кълътъкъ* 'колтки' (нач. XII в.), на *Торожку* (XIII в.).

(11) Главная морфологическая особенность древненовгородского диалекта – окончание *-е* в И.ед. (но не В.ед.) мужского рода твердого *о*-склонения. Оно представлено во всех категориях имен, включая причастия и именную часть форм перфекта: *смърде*, *морозе*, *къле*, *свободьне*, *саме*, *въхе*, *погублене*, *възъле*, *привезле* и т.п.; ср. стандартное окончание *-ѡ*.

(12) В Р.ед. твердого *а*-склонения выступает *-ѣ* (в отличие от стандартного *-ы*), например, *поль гривьѣ*, *у женѣ*. В берестяных грамотах XI–XII вв., написанных на древненовгородском диалекте, эта особенность соблюдается почти безукоризненно; лишь в более поздних грамотах изредка встречаются словоформы с *-ы*.

(13) Такая же особенность представлена в твердом *а*-склонении также и в И.В.мн. При этом в сочетании с числительными *три*, *четыри* окончание *-ѣ* выступает совершенно последовательно (*три кунѣ* и т.п.), а без числительных – лишь факультативно, например, *кунѣ* и *куны* (вероятно, различие проходило здесь по говорам).

(14) Окончание *-ѣ* постепенно вытесняет также прежние окончания И.мн. и В.мн. в мужском роде *о*-склонения (соответственно *-и* и *-ы*), например, *золотьникѣ* наряду с более старыми *золотьники* (И.мн.) и

золотъники (В.мн.); ср. стандартные древнерусские *золотъници* и *золотъники*. Этот процесс отмечается по берестяным грамотам с XII в.; с начала XIV в. он заметно усиливается (в это время появляются уже и словоформы мн.числа перфекта типа *привезлѣ*).

(15) В адъективном склонении в древнейших берестяных грамотах выступают (при твердой основе), в частности, окончания: Р.ед. жен. -ѣѣ, Д.М.ед. жен. -ѣи, М.ед. муж. -ѣмь, И.В.мн. жен. -ѣѣ. В более позднюю эпоху (примерно с начала XIII в.) появляются также окончания: Р.ед. жен. -ои, Д.М.ед. жен. -ои, М.ед. муж. -омь, И.В.мн. (жен. и муж.) -ѣи. Ср. стандартные древнерусские окончания: Р.ед. жен. -оѣ (и -ыѣ), Д.М.ед. жен. -ои, М.ед. муж. -омь, И.В.мн. жен. -ыѣ.

(16) В 3-м лице презенса обычно представлены словоформы без *-ть*, например, *живе*, *мльви*, *почьну* 'начнут', *платѧ* 'платят'; но в некоторой части случаев *-ть* сохраняется. По-видимому, в западной зоне словоформы без *-ть* употреблялись более последовательно, чем в восточной.

(17) В императиве при твердой основе всегда выступают *-ите*, *-ита* (не -ѣте, -ѣта), например, *идите*.

Помимо перечисленных особенностей древненовгородский диалект обладал также многими другими, на которых в рамках настоящей работы нет нужды специально останавливаться; таковы, в частности, взрывное произношение исконного *з*, длительное сохранение исконных *кы*, *гы*, *хы*, возможность перехода *ѣ* в *и* (с XIII в.), раннее появление окончания -ѣ на месте -и в Д.М.ед. мягкого склонения (типа *къ Марьѣ*, *на конѣ*), раннее появление окончания -а в сочетаниях типа *дѣва села*, замена *ѣ* на *и* в парадигме местоимения *т-* (*тихъ*, *тимъ* и т.д.), окончание -ме в 1-м лице мн. числа презенса (*есме*), ряд лексических особенностей (например, *сторове* 'здоров', *тъгьдѣ* 'тогда', *заньдо* 'потому что', *дать* 'чтобы') и т.д.

Среди берестяных грамот те, которые написаны на древненовгородском диалекте, составляют безусловное большинство. В качестве иллюстрации ниже приводится ряд особенно ярких в языковом отношении грамот (или выдержек из них). Для большей наглядности словоформы, содержащие важные диалектные особенности (кроме цоканья, второго полногласия и перехода *ѣ* в *и*), даны в тексте грамот разрядкой.

Напомним, что большинству берестяных грамот свойствен ряд графических особенностей – прежде всего смешение *ъ* с *о*, *ь* с *е* и замена *ѣ* на *е*, *ь* (см. Зализняк 1986, §§ 11–23). Для ясности ниже в необходимых случаях дается (в угловых скобках) параллельная запись грамоты, отдельного слова или части слова в нормализованной гра-

фике; например, *самь* <-ме> равносильно *саме*. При цитировании текста в квадратные скобки заключаются те буквы, которые читаются неоднозначно (обычно из-за повреждений бересты), в круглые – полностью утраченные.

Из грамоты № 247 (XI в.): ... *А замъке кѣ ле, а двѣри кѣ лѣ, а господарь въ не тѣжѣ не дѣе...* ‘А замок цел и двери целы, а хозяин по этому поводу тяжбы не предпринимает’.

Из грамоты № 526 (последняя треть XI – нач. XII в.): ... *На Лоугѣ на Нѣгородѣ 3 коунѣ и грѣна съ намы..., на Нѣжскѣ на Прѣжневици полѣ грѣнѣ... На Шелонѣ... на Животтѣкѣ (тит – описка) 2 грѣнѣ крупѣмь. Серезѣри на Хѣмоунѣ и на Дроздѣ 5 грѣнѣ бес коунѣ, на Азгоутѣ и на погоцахѣ 9 коунѣ семѣѣ грѣнѣ. Дубровнѣ на Хрипанѣ 19 третѣѣ грѣнѣ* ‘На Луге за Негорадом вместе с процентами 3 куны и гривна..., за Нежом Прожневичем полгривны... На Шелони... за Животком 2 гривны обломками [серебра] (буквально: в мелком). На Селигере за Хмуном и за Дроздом 5 гривен без куны, за Азгутом и за погошанами (вероятно, жителями села Погост) 6 гривен и 9 кун (буквально: 9 кун седьмой гривны). На Дубровне за Хрипаном 2 гривны и 19 [кун] (буквально: 19 [кун] третьей гривны)’.

Грамота № 424 (1-я четверть XII в.): *(Г)р[а](мота) ш[т] Гю[r]р[ѣ]а к[ѣ] о[т]ѣчѣви и кѣ матери. Продавшие дворь, идите же съмо – Смоленску ли Киевоу ли: дешеве ти хлебе. Али не идете, а присъте (описка вместо присълите) ми грамотичу, сторови ли есте* ‘Грамота от Гюргия к отцу и к матери. Продавши двор, идите сюда – в Смоленск или в Киев: дешев [здесь] хлеб. Если же не пойдете, то пришлите мне грамотку, как вы живы-здоровы’.

Грамота № 644 (20-е гг. XII в.): *Ш Нѣжеке <-кѣ> ко Завидѣ. Чемуо не восолеши чето ти есемо водала ковати? А дала тобѣ, а Нѣжжѣтѣ на дала. Али чимо есемо виновата, а восоли отроко. А водале ми еси хамече. Ачи за то не даси, а восоли ми вѣсть. А не сестра а вамо, оже тако дѣлаете, не исправитъ <-те> ми ничето же. А во три колотокѣ вокѣе, то ти 4 золотѣникѣ во кольцо тшо* ‘От Нежки к Завиду. Почему ты не присылаешь то, что я тебе дала выковать? Я дала тебе, а не Нежате. Если я что-нибудь должна, то пришли слугу [сказать мне об этом]. Ты дал мне полотношко. Если поэтому не отдаешь [то, что я дала выковать], то извести меня. А не сестра я вам, если вы так поступаете, не исполняете для меня ничего! Так вкуй же [отданный тебе металл] в три колтки, а именно, [его] 4 золотника в тех двух кольцах’.

Грамота № 607 (30-е – 40-е гг. XII в.): *Жизнобоуде погоублене оу Сычевици* ‘Жизнобуд убит [в доме или в деревне] Сычевичей’.

Грамота № 105 (сер. XII в.): *Ш Сьмька къ Коулотъкъ. Оже то еси казале Несьдѣ въверичь тихъ дѣла, коли то еси приходиле въ Русь(ь) съ Лазь(в)къмь, тьгьдѣ възале оу мене Лазьвке Переа славьлѣ 'От Семка к Кулотке. Что [касается того, что] ты говорил Несде про те деньги, [то] когда ты приходил в Русь с Лазовком, тогда взял их у меня Лазовко в Переяславле'.*

Грамота № 663 (2-я пол. XII в.): *Милоке, џенеге, Бѣдиша запла-тили по^о гривене Коростокине рала. Невиде, Касиа (вероятно, недописано не) Сморячъва рала заплатила по (место по) девѣ тѣ кѣне. То же в нормализованной графике: <Мильке, Уѣнѣге, Будиша заплатили поль гривень Коростькинѣ рала. Невиде, Касиа (не) Смърчева рала заплатила п(о)ль девѣ тѣ кунѣ> 'Милко, Уенег и Будиша, Коросткины [дети], заплатили полгривны поралья (налога на плуг). Невид и Касьян, Сморячвы [дети], поралья запла-тили восемь с половиной кун'.*

Из грамоты № 87 (последняя четверть XII в.): *Ш Дрочке ш папа (первое а – вероятно, описка) пѣкланѣние ко Демеа ноу и къ Мине и къ Ванукоу и къ въхемо <въхѣмъ> вамо... 'Поклон от попа Дрочки Демьяну, Мине, Ванку и всем вам'.*

Из грамоты № 670 (конец XII – нач. XIII в.): *(Покланѣни)е к Онтанѣ ото матери. (Ст)[орови] ти есме вохе <въхѣ> ... 'Поклон Онтану от матери. Мы-то все живы-здоровы' (в отношении содержания ср. выше письмо № 424).*

Грамота № 582 (2-я пол. XIII в.): *Цето еси прислале дова човека, те побегли, а коне не ведаю, г[д]ѣ поймавоши. А Тимоня меретве 'Те два человека, что ты прислал, убежали, а коней где взяли, не знаю. А Тимоня умер (или: погиб)'.*

Грамота № 636 (последняя треть XIII в.): *Пришьль <-ле> искоуп-никъ <-ке> ис Полоцька, а рать поведае великоу. А водаить <вдаите> пошьницъ <пшеницѣ> во засадоу 'Пришел выкупленный пленник из Полоцка, сообщает, [что собралось] большое войско (или: что идет большая война). Выдайте же пшеницы для гарнизона'.*

Из грамоты № 411 (конец XIII – нач. XIV в.): *... Шжь аль будѣ Матвѣца, добръ скуеть, а цѣпье могить добы(ти). [П]рикуеть в подклѣть в пивномо, а дае Кснѣ тиньцу, отъ блюдь до мнь... То же в нормализованной графике: <Оже ѣале буде Матфѣица, добръ скуите, а чепей можете добы(ти). [П]рикуите в подклѣтѣ в пивномѣ, а даи Кснѣ тиньцу, отъ блюде до мене> 'Если поймает Матфейца, хорошенько его закуйте, а цепей [уж] сумеите раздобыть. Прикуйте в пивном погребе, и поручи его Кснятину, пусть стережет до моего приезда'.*

Грамота № 53 (10-е–30-е гг. XIV в.): *Поклонъ ѿ Петра къ Марьѣ. Покосиле есмь пожню, и шзеричи оу мене сѣно ѿмъли. Спиши список с купной грамотѣ да пришли сѣмо, куды грамота поведе, дати ми розумно 'Поклон от Петра Марье. Я скосил пожню, а озеричи (жители деревни Озеры) у меня сено отняли. Спиши список (копию) с купной грамоты да пришли сюда, чтобы мне было понятно, куда поведет купная грамота (т.е. как проходит граница купленной земли).'*

Грамота № 415 (сер. XIV в.): *Поклоно ш (вместо ѿ) Фовронее к Феликсу с плачомо. Убиле мѧ пасынке и выгониле мѧ изо двора. Велише ми ехате в гоородо (оо – описка) или самъ <-ме> поеди семо. Убита есемо 'Поклон от Фовронии Феликсу с плачем. Избил меня пасынок и выгнал меня со двора. Велишь ли мне ехать в город или сам поезжай сюда. Я избита'.*

Из грамоты № 178 (конец XIV в.): ... *Купиле гѣсомъ перво Максима ѿцерски у гѣздѣ і Замолмовсови і своѣ сироти в Симовли а на Хвоіни. А Максиме Иване Широки ту же быле 'Я купил раньше Максима Ещерский уезд и Замоллосовье и крестьян себе в Симовле и на Хвойне. А Максим и Иван Широкий при этом присутствовали'.*

Грамота № 43 (нач. XV в.): *Ѿ Бориса ко Ностаси. Како приде сѧ грамота, тако пришли ми цоловѣкъ на жерепѣъ, зане ми здѣсе дѣлъ много. Да пришли сороцицо – сороцицѣ забыле 'От Бориса к Настасье. Как только придет эта грамота, пришли мне человека на жеребце, потому что у меня здесь дел много. Да пришли рубашку – рубашки забыл'.*

Из грамоты № 19 (20-е гг. XV в.): ... *Да только буде которому мѧсель <мы> до Водѣлъ, ино надо бы дворѧ нине, а приставе ино здѣсо Филисть <-те> гѣхатъ хоце. А судьно гѣсть у мене, а хлѣ б[ѣ] сухѣи су. И тѣ <ты> саме ѿпразновавъ да погѣдъ сѣмъ... 'Да если будет у кого-нибудь намерение [ехать] до Водлы, то нужен был бы дворянин, а что касается пристава (буквально: а пристав), то здесь хочет ехать Филист. А судно у меня есть и хлебы сухие есть. И ты сам после праздника поезжай сюда'.*

Грамота № 154 (20-е гг. XV в.): *Воспросилѣ правицикѣ Оманта: рост ѧ галесъ Фипе (описка вместо Филипе) с Ываномъ Стоикомъ. Виделе гѣ^{снѣ} и цюле промежи Филипомъ Иваномъ. Далє Филипє Стоику 3 рублѣ серебромъ и 7 гривень кунъ и конь. А оувѣ дагѣтсѧ Стоике в вари и с посадникомъ и с сочкыми. А то сѧ дигѧлось седнѣ, во велики днѣ. А то дигѧлось на погостѣ на торгѣ 'Спросили праведчики (следователи) Оманта. [по поводу того, что] начал тяжбу Филипп с Иваном Стойком. [Омант сказал]: «Я видел и слышал [то, что произошло] между Филиппом и Иваном. Дал Филипп Стойку три*

рубля серебром и семь гривен кун и коня». [Теперь] Стойко рассчитывается в отношении виры (штрафа) с посадником и с сотскими. Это происходило сегодня, на пасху; это происходило на погосте, на торговой площади'.

Из грамоты № 567 (сер. XV в.): ... *Дайте истинѣ, дате* <дать> *не поверже гозбе...* 'Дайте основной капитал, чтобы он не бросил торговли'.

Стандартный древнерусский язык отражен в новгородской зоне, во-первых, в пергаменных грамотах, во-вторых, в некоторой части берестяных грамот. Правда, в этих документах обычно проскальзывают всё же, с одной стороны, единичные новгородские диалектизмы, с другой стороны (особенно в пергаменных грамотах) – отдельные церковнославянизмы: но в своей основе язык этих документов – именно стандартный древнерусский.

Рассмотрим вкратце несколько наиболее важных документов данной группы. При этом мы не будем специально отмечать случаи смешения *ц* и *ч*, которые есть (обычно в небольшом количестве) практически во всех этих документах; они служат здесь в сущности не более, чем дополнительным подтверждением того, что документ действительно написан новгородцем. Не будем останавливаться также на таких графических явлениях, как спорадическое смешение *ъ* и *о*, *ь* и *е*, *ѣ* и *е*.

Договор Новгорода с Готландом и немецкими городами (1190-е гг.), сохранившийся в списке 1263 г. (ГВНП, № 28), во всем существенном точно соответствует нормам стандартного древнерусского языка. Так, мы находим здесь эффект второй палатализации (*на варязѣ, послуси*), основу *вс-* (*сѣ всѣми* и т.п.), И.ед. муж. на *-ъ* (*Ярославъ, судъ, нѣмчинъ, самъ*), перфект на *-лъ* (*послалъ*), Р.ед. жен. на *-ы* (*без вины, с головы*), окончание *-ы* в сочетании *3 гривны, -тъ* в презенсе (*будеть, свяжють* и т.д.). Ни в одном из этих пунктов нет ни одного примера соответствующего древненовгородского диалектного явления.

Аналогичным образом в договоре Александра Невского с немцами 1263 г. находим *з* в М. ед. *березѣ* (не говоря уже об устойчивом *ц* в *цѣловати*), основу *вс-* (*сѣ всѣми* и т.д.), И.ед. *Шлександрѣ*, Р.ед. *грамоты, -тъ* в презенсе (*кладоуть* и т.д.). Написание *до Котлинѣ* вместо ожидаемого *до Котлингѣ* (ср. рядом *ис Котлингѣ, до Котлингѣ*) может быть и простой опiskeй. Церковнославянизм: *азъ* (*се азъ...*). Не совсем ясно, к какому языковому пласту следует отнести словоформу *нѣсмы* (встретившуюся трижды).

Договор Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем 1264 г.: *ц* в *на Волоцѣ* (не говоря о *цѣловати*), основа *вс-* (9

раз), И.ед. *Ѡрославъ, брать, Волокъ* и т.д., перфект *раздагаль, ѿдалъ, былъ шгаль, дѣгаль*, Р.ед. *ѿ влѣкы, без вины, коупцины*. На этом фоне имеется, правда, и несколько новгородских диалектных элементов: *-ме* в *ѣсме*, *-ои* в Р.ед. жен. *инои, новгородьскои, ратнои* (из сферы фонетики отметим также вставные *о, е* в *Торожку, Перемь* и *и* из *ѣ* в *шбонижаномъ*). Церковнославянизм: *раз-* в *раздавати, раздагаль*.

С этим договором в принципе сходны в интересующем нас отношении и все последующие договоры Новгорода с князьями, вплоть до конца республиканского периода (ГВНП, №№ 3–15, 17, 18, 20). О том, насколько близок к общерусскому стандарту их язык, красноречиво говорит следующий факт: хотя, как можно предполагать, часть этих грамот написана не новгородскими, а тверскими писцами, скольнибудь надежно выявить по языку, какие именно документы написаны не новгородцами, не удается.

Чуть менее выдержанным языком написано завещание Климента (ок. 1270 г.), но и здесь стандартные формы безусловно преобладают: основа *вс-* (регулярно), И.ед. *Климъ нть, заводникъ, сусѣдъ, лошакъ*, перфект *взъль, даль, платиль*, Р.ед. *оу Фомы* (2 раза), *оу Борьки, поль гривны* (3 раза), *-ть* в презенсе (*разделить, боудеть* и т.п.). Новгородские особенности: *к* (а не *ц*) в *Борьке* (Д.ед.), *на Борьке*, И.ед. *Жихне*, Р.ед. *оу Козѣ, оу Климъ те, поль грѣне*, окончание *-е* <-ѣ> в 4 *грѣне, 13 ногате* (2 раза), окончание *-а* в *два села*, также слово *занѣда* 'потому что' (из сферы фонетики укажем вставные *ѣ, ѥ* в *борьтью, оу Моръшина, шдерьнь*). Отметим еще новые окончания (свойственные, правда, не только новгородской зоне) в *съ всимъ, съ шднимъ*. Во вступительной и заключительной фразах завещания представлены также обычные в этих случаях церковнославянизмы (*се азъ рабъ бѣжи, прѣбѣмъ*).

Ряд малых грамот начала XIV в., адресованных Новгородом в Любек, на Готланд, в Ригу, в Кольвань (ГВНП, №№ 34–36), характеризуется практически теми же языковыми особенностями, что и отмеченные выше договоры: *ч* (которое здесь эквивалентно *ц*) в *на божии ручѣ*, основа *вс-* (регулярно), И.ед. *Ивань, Адамъ, не чистъ, посъло* (посоль), перфект *послалъ, привезлъ*, Р.ед. *из Ригы, от владыкы, вѣры, -ть* в презенсе (*будеть, велить* и т.п.). Новгородская особенность *-еи* в Р.ед. жен. *свои* (ГВНП, № 34).

Начиная со второй половины XIV в. в большинстве документов этого рода количество новгородских диалектных элементов несколько возрастает; например, неоднократно встречается Р.ед. жен. на *-ѣ*, перфект мн. числа на *-лъ* (существенно реже – И.ед. муж. на *-е* и перфект

на *-ле*). Но все же и в этих документах как правило основу продолжает составлять стандартный древнерусский язык.

С приведенными документами полезно сравнить также новгородские списки “Русской Правды”. Разумеется, любые списки гораздо менее показательны в языковом отношении, чем оригинальные документы, но в данном случае они всё же представляют определенный интерес. Как обнаруживается, они мало отличаются по языку от рассмотренных выше документов (если не считать большей архаичности синтаксиса и лексики). Так, в Синодальном списке “Русской Правды” (1280-е гг.) в качестве нормы представлены: эффект второй палатализации (*отроуць, конюсъ, послоуси, на долзъ* ‘впоследствии’, *о долзъ* ‘о долге’, *оуроци* [и *оурочи*], *на велицъ, по придатъцъ, рьци* и т.п.), основа *вс-* (*всего, всъхъ* и т.д.); И.ед. муж. на *-ъ*, перфект на *-лъ*, Р.ед. жен. на *-ы*, презенс с *-ть* (примеры этих форм можно не приводить – они весьма многочисленны), сочетания *3 гривны* (14 раз), *4 гривны, по 4 коуны*. На этом фоне встречаются, однако, единичные новгородские диалектизмы: *поль гривнъ* (статья 75), *3 гривнъ* (статья 60), *3 гривне* (статьи 76, 80). Кроме того, в Р.ед. жен. адъективного и местоименного склонения, если не считать единичного церковнославянизма *всѣакоѣ* (статья 7), постоянно выступает *-ои*: *оу которои* (статья 40), *първои* (статья 94), *шдинои* (статья 104), *бортьнои* (статьи 107, 109), *ролеинои* (статья 109); ср. *котоѣ, первоѣ, одноѣ, бортьноѣ, ролеиноѣ* в старейшем новгородском списке “Русской Правды” – Троицком (в составе “Мерила Праведного” XIV в.). Очевидно, с точки зрения новгородцев, в “Русской Правде” выступал тот же самый тип языка, что в их договорах с князьями или с немцами.

Обратимся теперь вновь к берестяным грамотам. В небольшой их части нет или почти нет новгородских диалектных особенностей. Конечно, некоторые из таких грамот могли прийти в Новгород из других городов (см., в частности, Зализняк 1986, §§ 75 и 87 о грамотах № 246 и № 109). Однако материал пергаменных грамот, заведомо написанных в Новгороде, ясно показывает, сколь неосновательно было бы приписывать все берестяные грамоты, лишённые диалектизмов, иногородним авторам. Большинство таких грамот несомненно имеет местное происхождение. Отсутствие (или слабое отражение) новгородских диалектных черт объясняется здесь тем же, что и для пергаменных документов, – сознательной ориентацией на стандартный древнерусский язык. Приведем примеры берестяных грамот данного типа.

Грамота № 502 (конец XII в.): *Ш Мирслава к Олисьеви ко Грициноу. А [т]оу [т]и въидьте <-деть> Гавъко полоцанино <-нъ>. Прашаи его,*

кодъ <кѣдѣ> ти на господъ <-ѣ> вѣтаеть, ать ти видѣло <видѣлъ>, како ти было <-лъ> ꙗ Ивана ꙗлъ. Постави и прѣдѣ людьми, како ти взмоловити 'От Мирослава к Олисею Гречину. Тут войдет Гавкополочанин. Спрашивай у него, где он стоит на постое, видел ли он, как я Ивана арестовал. Поставь его перед свидетелями [соответственно тому], как он ответит'. По предположению В.Л. Янина, автор этой грамоты – знаменитый новгородский посадник Мирошка Нездич. Перед нами письменное указание члену суда о том, как следует вести допрос некоего полоцкого гражданина. В грамоте представлено смешение *ц* и *ч*, которое, очевидно, указывает на новгородское цоканье, но никаких морфологических признаков древненовгородского диалекта нет.

Грамота № 69 (вероятно, конец XIII в.): *Ш Тереньтеа къ Михалю. Пришьмити лошакъ съ Яковъцемъ – поедуть дружина Савина чадь. ꙗ на Ярославли добръ здоровъ и с Григоремъ. Оуглицане замерзьли на Ярославли. I ты до Углеца, и ту пакъ дружина 'От Терентия к Михалю. Пришлите лошадь с Яковцем – поедет Саввина дружина. Я в Ярославле, жив-здоров, вместе с Григорием. Угличские [корабли] замерзли в Ярославле. Так что ты [посылай] до Углича, и как раз там дружина'.*

Грамота № 318 (40-е - 60-е гг. XIV в.): *Се купило <-лъ> Михало (-лъ) у князя великого бороце у Василиа Одрѣна кузнеца и Токову и Островну и Ротковици Кодрача и Ведрово. Да 2 рубля, и 3 гривны (сокращение вместо гривны) дасте Яковъ. Атно се замѣшите <-тъ>, Михалу брату ꙗтъ (недописано о) дасте серебро двоѣ 'Вот купил Михал у Василия, сборщика податей великого князя, [деревни] Токову и Островну кузнеца О(н)дрѣяна, Ротковичи Кодрача и Ведрово. Он дал 2 рубля, а [еще] 3 гривны даст Яков. Если же [Яков] не исполнит этого, то Михалу, брату своему, отдаст эти деньги вдвойне'.*

Грамота № 366 (40-е – 70-е гг. XIV в.; редкая графическая особенность: *и* после согласной почти всегда заменяется на *ѣ*): *Съ <се> урꙗдѣса ꙗковъ <-ве> съ Гюрьгъмо и съ Харѣтономъ по бсьудной грамотѣ, что былъ возꙗлъ Гюрьгѣ грамоту в ызѣжъной пыньѣцѣ, а Харѣтоно <-нъ> во проторѣхо своѣхо. И возꙗ Гюрьгѣ за вьсь <всь> то рубль и трѣ грѣвоны и коробью пыньѣцѣ, а Харѣтонь возꙗ дьса ть локоть сукона и грѣвону. А боль нь надобѣ Гюрьгю нѣ Харѣтону до Якова, нѣ Якову до Гюрьга нѣ до Харитона. А на то рꙗдѣцѣ и послусѣ Давидъ Лукѣнь сынъ, Сьтъпанъ Ташиѣнь 'Вот расцелся Яков с Гюргием и с Харитоном по бессудной грамоте, которую Гюргий взял [в суде] по поводу вытопанной при езде пшеницы, а Харитон по поводу своих проторей. Взял Гюргий за всё то рубль и*

три гривны и коробью пшеницы, а Харитон взял десять локтей сукна и гривну. А больше нет дела Гюргию и Харитону до Якова, ни Якову до Гюргия и Харитона. А на то свидетели Давид, Лукин сын, и Степан Тайшин'. При полном господстве стандартной древнерусской морфологии в грамоте один раз (очевидно, по недосмотру писца) проскользнуло диалектное окончание *-e*: *Аковь <-ve>*.

Показательно, что в грамотах № 318 и 366 даже употреблен аорист (характерный именно для официальных документов).

Берестяные грамоты данной группы обычно свободны от церковнославянских элементов (если не считать этикетных формул, см. замеч. 2 выше). Лишь в очень немногих из них отмечены единичные церковнославянизмы.

Так, в грамоте № 336 (1-я треть XII в.), морфология которой характеризуется словоформами *не длъжьнь*, *повѣдалъ*, *зага ль*, М.ед. *на Нустуе*, Р.ед. *оу Даньши*, обнаруживаются графические церковнославянизмы *Вльчкови*, *длъжьнь*, *срочька*, *срочькъ* – с *ль*, *ро* вместо *ьль* (или *ьл*) и *оро* (причем в случае с *ро* автор ошибся, механически заменив русское *оро* на *ро* вместо правильного церковнославянского *ра*).

В грамоте № 548 (рубеж XII и XIII вв.) характерные словоформы – И.ед. *тварь*, *Арм мирь* [вместо *Аромирь*], *не едино <-нь>*, перфект *быль*, презенс *л вьде <вѣдѣ>*, слово *едино* выступает с церковнославянским начальным *е*.

Не совсем ясно, можно ли считать церковнославянизмом слово *не же* (вместо более обычного в таких случаях для собственно древнерусских текстов *чѣто*) в известной грамоте № 9 (последняя четверть XII в.): *Ѡ Гостѣты къ Васильви. Гѣже ми отьць да лъ и роди сьда лъ ли, а то за нимъ. А нынѣ вода новую женоу, а мнѣ не вьдасть ничьто же. Избивъ роуку, поустиль же мѣ, а иноую по лъ. Доеди, добрѣ сътвори* 'От Гостяты к Василию. Что мне дал отец и родичи дали впридачу, то за ним. А теперь, женись на новой жене, мне не дает ничего. Ударив по рукам (в знак новой помолвки), он меня прогнал, а другую взял в жены. Приезжай, сделай милость'. Относительно литературной этикетной формулы *добрѣ сътвори* 'пожалуйста', 'сделай милость' (встретившейся в целом ряде берестяных писем) см. замеч. 2.

Итак, приведенный материал достаточно ясно показывает, что в древнем Новгороде церковнославянскому языку противопоставлялась не одна, а две разновидности собственно древнерусского языка – диалектная и стандартная. Для наглядности выше в качестве примеров использовались документы, где эти разновидности выступают в относительно чистой форме. В действительности наряду с такими доку-

ментами встречаются (правда, существенно реже) также и грамоты, отражающие ту или иную степень смешения этих разновидностей. Изредка в рамках одной грамоты непосредственно представлены оба конкурирующих окончания, например, *воз ѡло* <-ль> и *попродале* в № 439 (рубеж XII и XIII вв.), иногда даже у одного и того же слова, ср. ѿ *Жилы* и ѿ *Жилѣ* в № 589 (сер. XIV в.). Несколько чаще смешение выражается в том, что в одном звене системы выступает стандартный вариант окончания, а в другом — диалектный; например, в грамоте № 362 (конец XIV — нач. XV в.) мы находим, с одной стороны, стандартное *-ль* в *послалъ*, с другой — диалектное *-е* в *Шндрике* и диалектное отсутствие *-ть* в *бѣе* 'бьет'.

Особый интерес представляет берестяное письмо, где автор ориентировался на церковнославянский язык, но всё же допустил ряд древнерусских элементов, причем не только стандартных, но и диалектных. Это грамота № 605 (30-е — 40-е гг. XII в.): *Поклан ѡниѣ ѿ Ефрѣма къ братоу моемоу Исоухиѣ. Не распрашавѣ, розгнѣ васѣ. мене игоумене не поустиле. А ѡ прашальсѣ, нъ посылалъ съ Асафѣмъ къ посадъникоу медуо дѣлѣ. А пришъла есѣвѣ, оли звонили. А чемоу сѣ гнѣ ваеши? А ѡ вьсъгда оу тебе. А соромѣ ми, оже ми лихо мѣлѣ ѡше. И поклан ѡю ти сѣ, братѣче мои, то си хотѣ мѣлѣи. Ты еси мои, а ѡ твои* 'Поклон от Ефрема брату моему Исухии. Ты разгневался, не расспросив: меня игумен не пустил. А я отпрашивался, но он послал [меня] с Асафом к посаднику за медом. А пришли мы (двое), когда [уже] звонили. К чему же ты гневаешься? Ведь я всегда при тебе. А зорно мне, что ты злое мне говорил! И [всё же] кланяюсь тебе, братец, хоть ты и такое говори. Ты мой, а я твой'. Это письмо от одного монаха к другому. Оно посвящено нравственной, а не бытовой проблеме. Отсюда ориентация на литературный язык; его приметами здесь служат: употребление имперфекта и аориста, *рас-* в *распрашавѣ*, выбор определенных слов и выражений (*ты-еси мои, а ѡ твои; гнѣ ватисѣ*; возможно, сюда же *вьсъгда*). Но в то же время ряд слов выступает в древнерусском, а не в церковнославянском облике: *соромѣ, оже, оли*; ср. также *роз-* в *розгнѣ васѣ*; часть событий, относящихся к прошлому, передана всё же перфектом (например, *звонили*, а не *звонѣхоу* и т.п.). При этом *игоумене* и *не поустиле* даны в древне Новгородском морфологическом оформлении (ср. в этом отношении еще *-ѣ* в Д.ед. *Исоухиѣ*); можно предполагать, что сам автор случаи последнего рода должен был расценивать как огрехи.

Наконец, едва ли не самой яркой иллюстрацией функционального распределения трех типов языка в древнем Новгороде может служить хорошо известная вкладная грамота Варлаама Хутынского

монастырю (ок. 1192 г.). По содержанию она отчетливо делится на две неравные части: в первой части точно указывается, что именно отдается монастырю; вторая часть – это заключительная клаузула, содержащая официальное заявление о самом акте вклада и заклятие против возможных нарушителей воли вкладчика. Приводим текст (с сокращениями). Первая часть: *Се въдале Варламе стѣмоу Спѣсоу землю и огородъ...* (в перечислении выступает, в частности, И.ед. коле ‘закол’); *вхоу же тоу землю хоутин(ь)скоую въдале стѣмоу Спѣсоу и съ челѣднѣю и съ скотиною...* (в дальнейшем еще один раз встречается *въдале*; имеется также И.В.мн. *нив[и]* ‘нивы’, но последняя буква здесь, к сожалению, читается ненадежно). Вся эта часть документа, как можно видеть и по приведенным выдержкам, написана на практически чистом древненовгородском диалекте. Вторая часть: *Се же все даль Варламъ Михалевь снѣ стѣмоу Спѣсоу. Аще кто днѣ вольмъ на(оу)ч(е)нѣ и злыми члѣкы наваженѣ цѣто хочеть ѡати ѡ нивѣ ли, ѡ пожьнѣ ли или ѡ ловищѣ, а боуди емоу противенѣ стѣи Спѣсѣ и въ сѣ вѣкъ и въ боудоуции.* Эта часть, в отличие от первой, написана стандартным древнерусским языком, а в формуле заклятия использованы также и некоторые церковнославянизмы (*аще*, *боудоуции*). Начальные фразы первой и второй частей практически равнозначны, но различаются формой языка: *Се въдале Варламе* (и далее *вхоу... землю*) – *Се же все даль Варламъ*. Это едва ли не уникальный пример перевода с диалекта на стандартный язык в рамках одного документа: ср. *вх(оу) – вс(е)*, *Варламе – Варламъ*, *въдале – даль* (заметим, что даже различие между *въдати* и *дати* здесь неслучайно: в берестяных грамотах XI–XII вв., в отличие от более поздней эпохи, полностью господствует *въдати*; а *дати* почти не употребляется).

Таким образом, вполне очевидно, что сами новгородцы осознавали различие между своим диалектом и стандартным древнерусским языком. При письменной фиксации текста новгородский диалект считался совершенно уместным для бытовой переписки, тогда как для официальных документов безусловно предпочитался стандартный древнерусский. При этом, по-видимому, чем выше была степень официальности, тем строже соблюдалось данное требование; например, язык договоров Новгорода с князьями обычно ‘правильнее’, чем язык завещаний. Для внутриневгородских деловых документов допускались обе формы языка; в берестяных грамотах такого содержания явно преобладает (особенно в XI–XII вв.) диалектная форма.

Следует предполагать, что грамотные новгородцы владели некоторым набором правил, который позволял им превратить их диалектный текст в удовлетворительный стандартный текст. Набор этих

правил скорее всего был не очень велик. В его состав несомненно входили: (1) замена *-е* на *-ъ* в И.ед. муж.; (2) замена *-ле* на *-ль* в перфекте; (3) добавление *-ть* в презенсе; (4) замена основы *въх-* 'весь' на *въс-*. Далее шли правила, которые соблюдались не столь четко; (5) замена *к, г, х* на *ц, з, с* перед окончаниями *-ѣ, -и* (например, *на Волокѣ, на ногѣ, послухи* → *на Волоцѣ, на нозѣ, послуси*); (6) замена *-ѣ* на *-ы* в Р.ед. жен. (при твердой основе); (7) замена *-ѣ* на *-ы* в сочетаниях *с три, четыре* (например, *три гривнѣ* → *три гривны*); (8) такая же замена в И.В.мн. жен. без числительного (для тех новгородцев, в чьем говоре здесь было *-ѣ*). Например, писец завещания Климента хорошо соблюл (допустив всего одну ошибку) правила 1–4, но допустил значительное число ошибок против правил 5–7.

Мог применяться также и ряд других замен (например, *кѣльми* на *цѣльми, звѣзда* на *звѣзда, тихъ* на *тѣхъ*), но они скорее всего уже не составляли какого-либо единого блока правил, а зависели непосредственно от степени опытности и лингвистической наблюдательности конкретного писца. Интересно отметить, что новгородские писцы в подобной ситуации, по-видимому, редко заботились о том, чтобы избежать смешения *ч* с *ц* и *ѣ* с *и*; почти не усматривается также, например, попыток заменять новгородское окончание Р.ед. жен. *-ои* на стандартное *-оѣ* или *-ыѣ*.

Независимо от противопоставления разных форм древнерусского языка, в Новгороде, как и в остальной Руси, разумеется, существовало противопоставление древнерусского языка в целом, как бытового, делового и юридического, церковнославянскому, как языку церковному и литературному. Можно думать, однако, что в специфических условиях Новгорода, в отличие от других областей, в сознании грамотных людей церковнославянский язык до некоторой степени сближался со стандартным древнерусским. В морфологическом отношении и отчасти также в отношении фонемного состава словоформ эти две формы языка в большинстве случаев оказывались здесь вместе противопоставленными живому древненовгородскому диалекту. В частности, во всех восьми пунктах приведенных выше правил пересчета от древненовгородского диалекта к стандартному древнерусскому последний совпадает с церковнославянским.

Итак, рассмотренные выше факты позволяют предложить следующую (по необходимости несколько огрубленную) схему. С точки зрения носителя древненовгородского диалекта его живая речь была как бы нижним пластом в системе языковой коммуникации; он служил для целей повседневной жизни. Для более ответственных социальных целей служил верхний пласт, отличающийся от нижнего

прежде всего рядом морфологических особенностей и некоторыми особенностями в фонемном составе словоформ. Для полноценного участия в деловой и официальной жизни новгородцу было достаточно усвоить этот минимальный список особенностей (не меняя практически ничего в своей лексике и синтаксисе); тем самым он овладевал (в удовлетворительной для его целей степени) стандартным древнерусским языком. Для участия, хотя бы пассивного, в духовной и литературной жизни он должен был, сверх того, освоить большой фонд особой лексики (по большей части вообще не имеющей эквивалентов в его родном диалекте, а в остальных случаях отличающейся от его родных слов по фонемному составу) и научиться по крайней мере понимать целый ряд чуждых его диалекту синтаксических конструкций; тем самым он в той или иной степени знакомился с церковнославянским языком.

Описанная схема была наиболее актуальна для XI–XII вв., т.е. для эпохи, когда отличия древненовгородского диалекта от стандартного древнерусского выражены максимально ярко. Она сохраняла свое значение также и в XIII в. В XIV–XV вв. содержание этой схемы несколько видоизменяется и ее четкость уменьшается, поскольку, во-первых, функциональное место стандартного древнерусского постепенно занимает язык московской великокняжеской канцелярии, во-вторых, отличия древненовгородского диалекта от этого нового официального языка со временем становятся всё менее четкими. Но исследование этой исторической эволюции уже выходит за рамки настоящей работы.

ЛИТЕРАТУРА

- ГВНП: 1949, *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, Москва-Ленинград.
- Зализняк, А.А.: 1986, 'Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения', Янин, В.Л., Зализняк, А.А.: *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977-1983 гг.)*, Москва.
- Зализняк, А.А.: 1987, 'Текстовая структура древнерусских писем на бересте', *Исследования по структуре текста*, Москва, 147-182.
- Успенский, Б.А.: 1983, *Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка*, IX Международный съезд славистов, Доклады, Москва.

Москва